

Анна Сорока
Соня Миронова

МОЙ
СЛЕДОВАТЕЛЬ

Служебная проверка

The poster features a man and a woman in a romantic pose. The woman, Sonya Mironova, is holding a bouquet of white tulips and a book. The man, Anna Soroka, is standing behind her, looking down at her. They are in a snowy environment with a brick building in the background. The building has a sign that says 'ШКОЛА' and a plaque that says 'ЗНАНИЯ ДЕЛАЮТ МИР ДОБРЕЕ'. There is also a small plaque on the left that says 'Большие люди начинаются здесь' with a heart symbol.

Соня Миронова

**Мой следователь.
Служебная проверка**

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой следователь. Служебная проверка / С. Миронова —
«Автор», «Автор», 2026

На моём уроке литературы находят украденную реликвию. Сын районного чиновника ухмыляется, участковый требует признания, директор советует уволиться. Только я, Елена Ясенева, не собираюсь отдавать им ни своё имя, ни школу. Вадим Коршунов, следователь по особо важным делам, останавливает расправу и берёт меня под защиту. Он привык отдавать приказы. Я привыкла стоять перед классом и не отступать. Даже грозному майору придётся выпить принесённый мной чай. Рядом с ним я впервые чувствую себя в безопасности — и всё чаще забываю, что между нами расследование. Но тем, кто подбросил улику, мало моего увольнения. На кону школа, жизни моих учеников и мужчины, которого я уже боюсь потерять.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мел и кованные берцы	6
Глава 2. Под личной защитой	11
Глава 3. Напарница	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Сорока

Мой следователь. Служебная проверка

Мой следователь. Служебная проверка

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1. Мел и кованые берцы

Белый брусок крошился под пальцами, оставляя на коже сухую известковую пыль. Я вела ровную линию по шершавой темно-зеленой доске, выводя привычным учительским почерком:

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, жившие в воде...»

За высокими арочными окнами старого усадебного здания школы тек мартовский полдень. С чугунных желобов крыши с тяжелым звоном срывались крупные капли оттепели, разбиваясь о талый ноздреватый снег. В двадцать четвертом кабинете русской словесности стояла та благоговейная, чуткая тишина, ради которой я и осталась в Сосновом Бору после аспирантуры в Твери. Двадцать четыре пары глаз — мой одиннадцатый «А» — следили за движением моей руки.

— Чехов не просто вкладывает в уста Треплева декадентскую пьесу, — повернулась я к классу, стряхивая пыльцу мела. — Он обнажает трагедию души, которая задыхается в провинциальной духоте, но не желает торговать чистотой. Костя, почему Нина повторяет эти строки даже после того, как жизнь перемолола ее в прах?

Староста Костя Морозов — рослый юноша с чистым и упрямым взглядом — поднялся из-за первой парты:

— Потому что верность призванию выше страха, Елена Васильевна. Если предать то, во что веришь, останется только...

Договорить он не успел.

Снизу, по чугунным ступеням парадной лестницы литья 1898 года, ударил тяжелый, мерный топот армейских подошв. Звук был чужим, металлическим, ломающим школьную тишину. Шаги приближались по длинной рекреации второго этажа, сопровождаемые хриплым кашлем и матом.

Двустворчатая дверь кабинета распахнулась от удара ноги так, что медная ручка со стуком впечаталась в штукатурку, осыпав побелку на паркет.

На пороге стояли четверо. Впереди — участковый лейтенант Виктор Сомов в расстегнутом форменном бушлате. От него разило кислым перегаром, табачной гарью и сырой овчиной. Рядом с ним, засунув руки в карманы распахнутой дубленки, ухмылялся Кирилл Тарасов — сын первого замглавы района, бессменный хозяин местных кабаков. Позади жались двое небритых оборванцев в засаленных ватниках с серыми, опухшими лицами — разнорабочие с тарасовской автомойки.

Девочки на задних партах испуганно ахнули. По рядам пробежал нервный шорох.

Я медленно положила мел на желобок доски, достала батистовый платок и вытерла пальцы. В груди все сжалось в тугую ледяной ком, но внешне я не позволила себе даже вздрогнуть. Страх педагога передается детям мгновенно, как чума.

Я шагнула вперед, заслоняя первый ряд парт:

— Лейтенант Сомов, вы сорвали государственный урок. Немедленно покиньте класс.

Сомов криво осклабился, обнажая желтые зубы, и грубо толкнул Костю Морозова в грудь:

— Сядь, щегол! Разговор не с тобой. Гражданка Ясенева, поступило сообщение о тяжком преступлении. Неотложные действия по факту хищения в особо крупном размере. Работаем по горячим следам.

Костя дернулся вперед, сжав кулаки, но я твердо опустила ладонь ему на предплечье, останавливая. Мой взгляд в упор встретил мутные глаза полицейского:

— Служебное удостоверение, лейтенант. И судебное постановление на обыск в образовательном учреждении. Без санкции прокурора или решения суда вы не имеете права переступать порог этого кабинета.

Сомов замялся под моим ледяным взглядом, сунул руку за пазуху и показал красную корочку, тут же убрав обратно:

— Не умничай, учительница! Часть пятая сто шестьдесят пятой статьи УПК. В исключительных случаях обыск проводится по постановлению следователя, суд уведомим в течение суток. Не мешай правосудию!

Кирилл Тарасов вытащил из кармана золотистый телефон, вскинул руку и направил объектив прямо на лица замерших старшеклассниц:

— Фиксируй гнездо, Витек! — заржал он, обдавая класс коньячным духом. — Пусть район увидит, как святая завуч детишек учит родину грабить! Улыбнитесь, детки, сейчас вас в поселковый паблик выложат!

Маша Светлова на третьей парте закрыла лицо руками и всхлипнула.

Я сделала два быстрых шага, перекрыв камеру плечом:

— Кирилл Григорьевич, статья 152.1 Гражданского кодекса. Незаконная съемка несовершеннолетних без согласия родителей. Если аппарат не исчезнет в кармане через секунду, я лично направляю заявление дежурному прокурору области. И поверьте, ваш отец не успеет его перехватить.

Тарасов осекся. На лоснящейся физиономии мелькнула злоба, но телефон он опустил, прошипев мне в лицо:

— Ничего, Ясенева... Через полчаса от твоей спеси мокрого места не останется. На нары пойдешь, интеллигентка паршивая.

Я повернулась к классу. Мой голос звучал спокойно и негромко:

— Одиннадцатый «А». Закрыли тетради, собрали сумки и организованно спускаемся в читальный зал к Марье Петровне.

Ребята задвигали стульями, поднимаясь. Но подручный Сомова шагнул в проем, перекрыв выход резиновой дубинкой:

— Стоять! Никто отсюда не выйдет!

В классе повисла звенящая тишина. Парни подобрались, готовые к драке. Я видела в их глазах то опасное бешенство, которое не считает ударов. Одно движение — и пьяные полицейские покалечат мальчишек, повесив на них нападение на сотрудников при исполнении.

Я вышла на середину прохода:

— Ребята, сели обратно. Спины ровно. Дышим спокойно. Мы ничего не украли и никого не боимся. Правда на нашей стороне. Вы верите мне?

— Верим, Елена Васильевна, — глухо отозвался класс.

Они синхронно опустили руки на места, скрестив руки на партах, превратившись в молчаливую крепость.

Сомов подошел к моему столу:

— Открывай ящики, Ясенева, и сумку на стол.

— Я не коснусь замков, — отрезала я. — Вы ворвались сюда без директора школы и законных понятий.

— А у нас понятия есть! — осклабился лейтенант, кивая на оборванцев. — Граждане понятия, фиксируйте отказ. Приступаем к принудительному обыску.

Сомов с подручным принялись выворачивать книжные шкафы. Тома Толстого, Чехова и Куприна падали на паркет с глухими хлопками, поднимая пыль. Но полки были чисты. Ничего, кроме конспектов и поурочных планов, там не было.

Сомов вытер вспотевший лоб, нервно взглянув на Кирилла. И тут я перехватила ответный жест Тарасова-младшего: он едва заметно прищурился и сделал короткий кивок вверх — в правый угол, где под лепным дореволюционным карнизом темнела витая чугунная решетка вентиляции.

Меня обожгло холодом. Вентиляция уходила через перекрытия прямо на чердак, куда Пахомов на прошлой неделе пускал тарасовскую бригаду якобы для проверки стропил. Закладку сделали заранее!

Сомов пододвинул стул, встал в грязных берцах и шлицевой отверткой со скрежетом сорвал винты решетки. Запустил руку в темноту короба и с хрипом вытянул наружу тяжелый продолговатый сверток в промасленной холстине, перевязанный бечевкой с сургучной печатью.

Спрыгнув на пол, лейтенант ножом полоснул по узлу. Грубая рогожа разошлась.

По кабинету прокатился всеобщий вздох.

На полированном дереве стола, ослепительно вспыхнув под лучами солнца, лежал массивный серебряный оклад старинной богородичной иконы. Тончайшая филигранная чеканка, россыпь уральских самоцветов по венцу и выгравированный герб усадьбы графов Оболенских. Бесценная реликвия шестнадцатого века из закрытого мемориального фонда школы, пожертвованного училищу графом Оболенским.

— Вот оно, гражданка завуч, — торжествующе осклабился Сомов. — Статья сто шестьдесят четвертая, часть вторая УК. Хищение предметов особой исторической ценности. До пятнадцати лет строгого режима. Подписывай явку с повинной, или прямо отсюда пойдешь в ИВС!

Я посмотрела на серебряное чудо на столе. Сердце колотилось в ребра, но голос мой звенел сталью:

— Я не прикоснусь к вашей фальшивке. Вы подбросили раритет через вентиляцию, чтобы сфабриковать дело. И вы ответите за это перед судом.

Кирилл злобно захохотал, а Сомов сгреб мой шерстяной жакет на плече, силой толкая к выходу:

— На выход, в кабинет директора, живо!

Парни рванулись со своих мест, но я обернулась и взглядом приказала им оставаться.

* * *

По рекреации меня вели, как преступницу. Сомов впивался пальцами в мой локоть, Кирилл победно ухмылялся, а понятия семенили следом. Учителя выглядывали из классов и в ужасе захлопывали двери: страх перед кланом Тарасова сковал школу.

Меня втокнули в кабинет директора.

За массивным столом сидел Семен Петрович Пахомов. Он был бледнее мела. Его пальцы судорожно сжимали графин с водой, плечи подрагивали, а глаза бегали по сторонам, избегая моего взгляда.

Кирилл развалился на кожаном гостевом диване, закинув ногу на ногу и шелкая золотой зажигалкой:

— Принимай передовицу, Семен Петрович. Реликвию из закрытого мемориального фонда школы чуть барыгам не спустила.

Пахомов сглотнул ком и пододвинул ко мне чистый лист бумаги и ручку:

— Леночка... Елена Васильевна, умоляю. Напишите по собственному желанию. Без даты. Григорий Иванович обещал замять шум, если уйдете тихо. Не губите школу! Нас же лишат аккредитации!

Я стояла посреди кабинета, не садясь:

— Вы прекрасно знаете, кто имел ключи от чердака на прошлой неделе, Семен Петрович. И вы предлагаете мне взять на себя чужое воровство? Я не подпишу сделку с подлостью.

Тарасов сорвался с дивана. Ударом ноги он снес столик, стеклянный графин вдребезги разбился о пол:

— Ты кого подлецом назвала, тварь кабинетная?! Телефон на стол, быстро! Ты писала все на диктофон, я видел! Сюда телефон!

Я спрятала мобильный в глубокий карман:

— Изъятие личных вещей проводится только следователем при понятых. Не прикасайтесь ко мне.

— Ах ты... Витек, держи ее!

Сомов дернулся заломить мне руки, но я развернулась к нему:

— Вы давали присягу, лейтенант, а служите шестеркой у пьяного барчука. Это двести восемьдесят шестая статья УК. Вы сядете рядом с ним!

Сомов отдернул руки, побледнев.

Осатаневший Кирилл взвыл от ярости, замахнулся широким ударом и со всей силы метнул ладонь с перстнем прямо мне в лицо. Я не закрыла глаз и не опустила головы, готовясь встретить удар с достоинством.

Грохот, сотрясший кабинет, был подобен выстрелу.

Тяжелая дубовая дверь вылетела внутрь вместе с косяком, врезавшись в стену. В воздухе мелькнул темный рукав драпового пальто. Стальные пальцы перехватили запястье Кирилла в миллиметре от моей щеки. Раздался сухой, мерзкий хруст выкручиваемого сустава. Кирилл взвизгнул по-бабьи и рухнул на колени прямо в битое стекло.

Вошедший мужчина заслонил меня стеной широкой спины.

Высокий, под два метра ростом, с мощными плечами, в темно-сером пальто нараспашку и темно-синем кителе с майорскими погонами. Короткий ежик волос с проседью, перебитый нос и абсолютно серые, ледяные глаза. На стол директора упало бордовое кожаное удостоверение с золотым гербом:

«Следственный комитет РФ. Следователь по особо важным делам, майор юстиции Коришников Вадим Николаевич».

Пахомов беззвучно заглотал воздух. Сомов дернул руку к кобуре, но Коршунов даже не повернулся к нему. Его глубокий бас заставил задрожать стекла:

— Руку от табельного убрал, Сомов. Секунда — и я применю оружие на поражение по статье двадцать третьей Закона «О полиции». Смирно стоять, ублюдок. Руки по швам!

Сомов вытянулся в струнку, обливаясь холодным потом.

Кирилл на полу, захлебываясь соплями, прохрипел:

— Ты труп, мусор... Мой отец — Тарасов! Он тебя сотрет...

Майор медленно наклонился к его лицу, впечатывая слова:

— Твой отец сегодня получит повестку на допрос по сто шестьдесят четвертой статье УК за хищение раритетов. А ты поедешь в изолятор, как только подъедет мой спецназ. Еще раз посмотришь в сторону Елены Васильевны — лично сгною у параша. Пошел вон на четвереньках!

Он поддел мажора ботинком, и Кирилл, скуля и оставляя кровавые следы от порезанных коленей, уполз в коридор.

Коршунов повернулся ко мне. Его взгляд — тяжелый, сканирующий — скользнул по моему лицу, по сжатым пальцам, и вдруг в глубине серых глаз вспыхнула теплая искра. Словно он ожидал увидеть дрожащую жертву, а встретил нестигаемую женщину.

— Вы целы, Елена Васильевна? — его голос прозвучал глуховато и неожиданно мягко.

— Цела. Спасибо вам, майор.

От его взгляда и голоса повеяло такой надежной гранитной силой, что застрявший в горле ледяной ком впервые за этот страшный день начал таять.

* * *

Из приемной донесся тяжелый скрип сапог и зычный рык:

— Кто разрешил беспредел в моем районе?!

Глава 2. Под личной защитой

В кабинет ввалился начальник поселкового отдела полиции майор Белов — тучный мужчина с багровой лысиной и золотой печаткой на пальце, за ним двое автоматчиков:

— Коршунов! Какое право областной аппарат имеет влезать в оперативную разработку?! Мы изъяли раритет по горячим следам! Отдайте Ясеневу и вещдоки, мы сами доставим в отдел!

Коршунов не шелохнулся. Он достал из папки лист с гербом Генпрокуратуры и бросил перед носом Белова:

— Распоряжение Председателя СК и надзорное постановление замгенпрокурора. Дело номер 1184 по хищениям из фонда Оболенских изъято из РОВД и передано в производство следственной группы СК под моим руководством. Любое вмешательство с этой секунды — двести девяносто четвертая статья УК, воспрепятствование расследованию.

Белов онемел, спесь слетела с его лица:

— Но оклад изъят моими людьми! Мы обязаны сдать его в дежурную часть...

— Ваши люди изъяли вещдок с грубейшими нарушениями, — отрезал Коршунов. Он забрал сверток из рук Сомова, достал синий номерной сейф-пакет СК с магнитной полосой и бережно запалял серебряный оклад внутри. — Экспертизу проведет криминалистическая лаборатория Главка.

— У нас есть понятые! — закричал Белов.

Коршунов усмехнулся, подняв служебный планшет:

— Понятые Сидоров и Кузьмин? Первый трижды судим за грабежи, второй под надзором. Оба работают на автомойке Тарасова. Граждане «понятые», сюда!

Двое оборванцев ввалились в кабинет, трясаясь:

— Либо вы сейчас под запись говорите, кто дал вам деньги за подписи, либо едете соучастниками по триста третьей статье — фальсификация доказательств, до семи лет. Время пошло.

Один из них тут же упал на колени:

— Начальник, не губи! Бригадир Тарасова по тыще рублей сунул и бутылку дал! Сказал — просто распишитесь, где участковый ткнет! Мы все подпишем, как скажешь!

Белов тяжело оперся о стол, круговая порука трещала по швам:

— У нас была оперативная информация на Ясенева! Был звонок!

Я шагнула вперед, встав плечом к плечу с Вадимом:

— Майор Белов, предъявите рапорт КУСП. Номер книги сообщений о преступлениях. Хоть одну запись в дежурке. Фамилию заявителя назовите прямо сейчас!

Белов побагровел и отвел глаза:

— Рапорт... в дежурке остался.

— Вранье, — подытожил Коршунов. — Вы приехали по звонку Кирилла. В ваших действиях состав двести восемьдесят шестой статьи — превышение полномочий группой лиц. Материалы направлены во Второй отдел по расследованию особо важных дел.

Белов прошипел сквозь зубы:

— Ты пожалеешь, Коршунов. У Тарасова связи в Москве, тебя сотрут и не заметят.

— Я служу закону, Белов. А вашим покровителям советую сушить сухари. Вон из школы! Милиция позорно покинула кабинет. Шаги стихли.

И в этот миг меня накрыло. Адреналин отхлынул, колени подогнулись, стены качнулись. Я покачнулась, теряя равновесие.

Но упасть мне не дали.

Широкая, горячая ладонь Вадима бережно подхватила меня под локоть, приняв на себя мой вес. Другой рукой он придержал меня за плечо, осторожно усаживая на деревянный стул:

— Тихо, Елена Васильевна... Всё кончилось. Держитесь.

Он опустился на одно колено рядом со мной, налил чистой воды в стакан и вложил в мои дрожащие пальцы, придерживая своими теплыми руками:

— Пейте. Мелкими глотками.

Я сделала несколько глотков, туман рассеялся. Я увидела его лицо совсем близко — морщинки у глаз, глубокая складка на переносице и запах морозного ветра, табака и чистоты.

— Самое страшное позади, — тихо повторил он, глядя мне прямо в душу. — Вы держались великолепно. Редко какой мужчина выдержит такое. Теперь вы под моей личной защитой. Я обещаю: ни одна мразь к вам больше не прикоснется.

Я смотрела на него сквозь выступившие слезы и впервые за долгие годы почувствовала, что за моей спиной стоит настоящая гранитная скала.

* * *

Мы спускались по лестнице на первый этаж. Коршунов нес сейф-пакет с окладом, осторожно придерживая меня за локоть на поворотах ступеней. Внизу, из полуоткрытой учительской, донесся скрежет металла и отборный мат.

Вадим бесшумно шагнул вперед, прикрыв меня плечом.

В глубине учительской у архивного шкафа суетился лейтенант Сомов. Отстав от начальства, он монтажкой ковырял замок, пытаясь добраться до полок с журналами. Папки и контрольные уже валялись на полу под его сапогами.

— Журнал одиннадцатого «А»! — шепнула я. — В прошлую пятницу у меня стояло четыре урока подряд и факультатив до семи вечера! Моя роспись там — железное алиби! Он хочет выкрасть и расшить журнал!

Вадим взялся за ручку двери, но в учительскую влетел Костя Морозов со смартфоном в руке:

— Лейтенант Сомов, прекратите взлом!

Сомов выронил монтажку, оскалившись:

— Вон отсюда, сопляк! На учет поставлю, волчий билет получишь!

— Не поставите, — твердо ответил Костя. — Включена прямая трансляция в школьный чат. Нас смотрят двести сорок человек. Все видят, как вы ломаете архив без санкции.

Сомов с ревом бросился на парня, но в дверной проем шагнули еще трое ребят из волейбольной сборной, скрестив руки на груди:

— Журнал останется на месте. Елена Васильевна чужого не брала, и вам воровать не дадим.

Сомов сорвал ремешок с кобуры:

— Бунт?! Мордой в пол, стрелять буду!

И тут из-за шкафа выступила семидесятилетняя учительница физики Марья Петровна Краснова. Маленькая седая учительница в роговых очках и шерстяном платке держала тяжелую метровую буковую линейку.

Без лишних слов она с размаху опустила ребро линейки прямо по запястью Сомова.

Раздался сухой звучный шлепок.

— Ай! — взвыл Сомов, выронив пистолет обратно в кобуру.

— Только посмей при детях оружие доставать, Витька Сомов! — загремел железный голос Марьи Петровны. — Я твою мать учила, оболтуса кусок! Стыд потерял, окаянный?! На учительницу руку поднял?! А ну пошел вон из школы, пока я тебе уши не оборвала!

Лейтенант сгорел от стыда: девчонки снимали его красную физиономию на пять телефонов, парни смыкали кольцо, а старая учительница замахнулась для нового удара.

В эту секунду в комнату шагнул Коршунов, опустив пудовую ладонь на плечо полиция:

— Положи журнал на стол, лейтенант. И беги, пока я не оформил вооруженный разбой с использованием служебного положения. Десять секунд.

Сомов разжал пальцы, журнал упал на сукно стола. Спотыкаясь, участковый пулей вылетел в коридор под презрительный свист ребят.

Я подошла к столу и дрожащими руками прижала к груди коленкоровый журнал — наше алиби, наш спасенный труд. Костя Морозов улыбнулся:

— Елена Васильевна, мы же обещали. Мы никому вас в обиду не дадим.

— Спасибо вам, родные мои, — прошептала я сквозь слезы.

Коршунов подошел и крепко, по-мужски пожал руку Косте:

— Молодцы, орлы. Настоящие мужики. За учительницу надо стоять насмерть. Вы сегодня сдали главный экзамен в жизни. А с бандитами мы разберемся по закону.

* * *

Кабинет литературы опечатали белой гербовой лентой СК. Мы вышли на высокое крыльцо под сырой мартовский снег с дождем. Поселок затягивало холодными синими сумерками.

У чугунных ворот стояла темно-зеленая служебная «Нива» Коршунова. Вадим помог мне подняться на пассажирское сиденье, бережно поправив полы пальто. В салоне пахло теплом печки, листовым табаком, кожей портупеи и оружейным маслом.

— Домой вас везу, — сказал он, заводя мотор. — В старый флигель за оврагом.

— Вадим... Тарасов-старший держит район. Они не простят Кириллу сломанной руки.

— Не запугают, — отозвался он глуховатым, уверенным голосом. — Оклад Оболенских — лишь верхушка. Мы вели банду три месяца от Самары. Они грабят усадьбные фонды Верхневолжья. Тарасов обеспечивает коридоры за границу, сынок берет ценности. Оклад подбросили вам, чтобы списать пропажу всего фонда школы на учителя. Теперь они в ловушке.

Машина затормозила у моего бревенчатого забора на опушке бора. Старый дом с резными наличниками тонул в темноте яблоневого сада.

Вадим помог мне выбраться, проводил до дверей, взял дрожащий ключ из моих пальцев и открыл замок. Он быстро осмотрел комнаты, проверил шпингалеты:

— Все чисто. Закройтесь, затопите печь, выпейте чаю. Мой номер на быстром наборе под единицей.

— А вы? Куда вы поедете на ночь? В районе нет безопасных гостиниц... Зайдите в дом, я растоплю печь, постелю на веранде, согрею ужин!

Вадим покачал головой. Его ладонь на секунду коснулась моего плеча теплым, целомудренным жестом:

— Нельзя, Лена. Вы — ключевой свидетель. Если я останусь в доме одинокой женщины, адвокаты Тарасова завалят прокуратуру жалобами о давлении и неуставных отношениях. Ваша репутация должна быть кристально чистой. Моя гостиница — «Нива» у забора. Бензина полный бак.

Он заглянул мне в глаза и добавил тихо:

— Для меня лучшая награда — знать, что вы спите спокойно. Я за забором. Пока я дышу — к этому дому никто не подойдет.

Щелкнул замок. Я задвинула тяжелый засов, прижалась спиной к двери и медленно опустилась на колени, закрыв лицо руками. Горячие слезы смывали кошмар этого дня. В доме пахло мятой. А за окном, сквозь морозные узоры на стекле, в синей тьме ровно светились два теплых желтых огонька габаритов его «Нивы».

Он стоял на страже. Первый бой был выигран, но впереди нас ждала беспощадная война за школу, за память предков и за нашу зарождающуюся любовь.

* * *

Сон не шел. Я сидела за старым дощатым столом в толстом вязаном кардигане, обхватив ладонями остывшую глиняную кружку с мятой. В печи тихо потрескивали сухие березовые поленья, озаряя бревенчатые стены кухни теплыми, дрожащими рыжими отблесками. Пахло сушеной травой, прошлогодними антоновскими яблоками и березовой смолой.

За двойными рамами гудела мартовская метель. Колючая снежная крупа с сухим шелестом хлестала по стеклу. Перед глазами все еще стояли перевернутые книжные шкафы в моем кабинете литературы, наглая ухмылка Кирилла Тарасова и трясущиеся руки участкового Сомова. В ушах звенело от пережитого унижения и страха.

Я встала, подошла к окну и осторожно отвела льняную кружевную занавеску.

Там, за занесенным сугробами штакетником моего яблоневого сада, под вековыми корабельными соснами, темнел знакомый угловатый силуэт. Служебная «Нива» майора Коршунова стояла на обочине, припорошенная белой колючей пылью. Из выхлопной трубы струился белесый дымок — мотор мерно урчал на холостых оборотах. В салоне машины едва теплился тусклый зеленый огонек приборной панели.

Он не уехал. На дворе трещал двадцатиградусный мороз, метель заметала поселок, а этот столичный майор остался дежурить в промерзшей машине на обочине, охраняя покой сельской учительницы.

Горло перехватило горячей, щемящей волной благодарности. Внутренний голос строгой завуча шепнул: «Что скажут соседи, если увидят тебя ночью на улице возле машины следователя?». Но я решительно оборвала себя. Человек рисковал жизнью ради меня и теперь мерзнет на ледяном ветру голодным.

Я достала пузатый стальной термос, ошпарила кипятком и заварила крепкий черный чай с сушеным чабрецом и мятой. Нарезала толстыми ломтями домашний ржаной хлеб, достала из подпола баночку вишневого варенья и завернула все в чистое льняное полотенце. Натянув теплые валенки и укутав плечи пуховым оренбургским платком, я тихо отодвинула тяжелый засов сеней.

Холод обжег лицо мгновенно, перехватив дыхание. Снег скрипел под валенками, ветер рвал полы платка. Я сделала всего несколько шагов по занесенной тропинке к калитке, как вдруг из-за поворота переулка с яростным ревом вылетела черная тонированная «девятка» без номеров.

Ее фары ослепили меня дальним светом. Машина резко вильнула в мою сторону, сминая сугроб у забора. Из приоткрытого окна вырвался пьяный гогот и свист. Я замерла посреди двора, не в силах шевельнуться: люди Тарасова взяли дом в кольцо.

Легковушка с визгом затормозила напротив калитки, готовясь пойти на таран штакетника.

Глава 3. Напарница

В ту же секунду дверца «Нивы» распахнулась настежь. В лучах чужих фар выросла исполинская фигура Коршунова.

Он не кричал. Двумя пружинистыми, стремительными шагами он перемахнул сугроб, перекрывая калитку. В левой руке вспыхнул тяжелый металлический фонарь, ослепив водителя, а правой рукой Вадим с сухим, хищным лязгом дослал патрон в патронник табельного пистолета.

Майор поднял ствол на уровень радиатора «девятки» и сделал твердый шаг вперед. В его ледяном взгляде не было сомнений: еще секунда — и пули прошьют моторный отсек.

Водитель бандитской машины в панике ударил по тормозам. Шипованные колеса взвыли на льду, и легковушка задом, юзом вылетела в темноту оврага, уносясь прочь.

Вадим резко развернулся ко мне. Луч фонаря осветил его жесткое, словно высеченное из камня лицо:

— Вы с ума сошли, Елена Васильевна?! — загремел он, и в его низком голосе звенела неприкрытая тревога. — В одном платке на мороз, под колеса шпаны?! Немедленно в машину! Он схватил меня за локоть и буквально внес в салон «Нивы», захлопнув за собой дверь. Я перевела дух, прижимая к груди узелок:

— А вы не сошли с ума, Вадим Николаевич — третью смену без горячего на голодном пайке сидеть? Пейте чай, майор. Это приказ завуча, обжалованию не подлежит.

Коршунов замер. Его серые глаза дрогнули, ледяная броня спала, и в уголках губ проступила скупая, усталая улыбка:

— Слушаюсь, Елена Васильевна.

В салоне было жарко от ревущей печки. Пахло нагретым дерматином, крепким табаком и оружейным маслом. Я отвинтила крышку термоса, наливая темный душистый настой. Мои пальцы все еще мелко дрожали, кипяток плеснул через край на салфетку.

Вадим перехватил термос, поставил его на приборную панель, а затем накрыл мои ледяные пальцы своей широкой, горячей и шершавой ладонью.

Его тепло мгновенно прошло меня до самого сердца. Дрожь утихла.

— Успокойтесь, Лена, — тихо произнес он, и в его басу разлилась глубокая мужская нежность. — Пока я здесь, они к вашей калитке на пушечный выстрел не подойдут. Я за вас отвечаю головой.

Мы пили чай по очереди из одной крышки, передавая ее из рук в руки, делили ломоть хлеба, и я ловила себя на мысли, что мне впервые за много лет спокойно и тепло.

— Вам нужно поспать хотя бы четыре часа перед уроками, — сказал Вадим, взглянув на приборные часы. Он накинул мне на плечи свой тяжелый форменный бушлат и проводил до самых сеней.

У порога он взял с меня обещание:

— Дверь на засов. А на кухне оставьте гореть настольную лампу под абажуром. Пока горит ваш свет — я знаю, что вы в безопасности.

Я закрыла засов, прошла на кухню и зажгла лампу. Сквозь морозные узоры стекла я видела темный силуэт его машины. Мы заключили негласный союз, который был крепче любых клятв.

* * *

Утро встретило поселок морозным сизым туманом. К восьми часам у чугунных ворот лицея собралась плотная толпа: родители, торговцы с рынка, поселковые кумушки. Воздух гудел от возбужденного шепота. Сплетня о том, что у завуча Ясеновой при обыске «изъяли мешок царского золота», уже облетела каждый двор Соснового Бора.

«Нива» Коршунова мягко затормозила у тротуара, сминая грязный наст.

Я потянулась к ручке двери, собираясь выйти первой:

— Вадим Николаевич, останьтесь в машине. Поселок и так шумит, не давайте им повода. Коршунов щелкнул кнопкой блокировки замков:

— Мы приехали вместе, Елена Васильевна. И прятаться за чужими спинами не будем. Пусть смотрят те, у кого рыло в пуху.

Он вышел, обошел капот и распахнул пассажирскую дверь, галантно подав мне руку.

Едва я ступила на снег, как из толпы вывалилась дородная торговка Глафира — кузина завгара районной администрации:

— Гляньте, люди добрые! — заголосила она на всю улицу, уперев руки в бока. — Идет, морду задрала! Чему воровка наших детей научит?! В тюрьму ее! Ишь, хахаля в погонах наняла, чтоб от суда отмазал!

Я сжала пальцы, готовая к удару грязи. Но Коршунов плавно шагнул вперед, закрыв меня плечом в форменном кителе.

— Фамилия, гражданка? Быстро, — его голос прозвучал сухо и хлестко, как выстрел. — Статья 128.1 УК РФ — клевета, соединенная с обвинением в тяжком преступлении. До трех лет лишения свободы. Мой оперативник сейчас оформит протокол. Желаете поехать первой?

Глафира осеклась, побледнела и испуганно попятилась в толпу под ехидные смешки мужиков.

Из рядов родителей вышел автомеханик Кузьма Фомич, отец моих учеников-девятиклассников. Он неловко мямл в пальцах ушанку:

— Да погодите вы, товарищ майор... Мы по-людски спросить хотим. Говорят, ценности в школе нашли...

Я вышла из-за плеча Вадима, глядя Кузьме в глаза:

— Кузьма Фомич, я ваших близнецов шесть лет учу чести и слову. Если бы я тронула хоть копейку чужого — провалилась бы на этом месте. Меня пытаются подставить те, кто годами грабит район. Следственный комитет докажет правду. Вы верите мне?

Кузьма помолчал, оглядел собравшихся и решительно нахлобучил шапку:

— Верим, Елена Васильевна. Мы тебя с девчонок помним. Не дадим брехать собакам!

Я повернулась к заднему сиденью машины, чтобы забрать тяжелую кожаную сумку с контрольными тетрадами трех классов. Но рука Коршунова опередила меня: он легко подхватил неподъемную ношу и повесил на плечо рядом с офицерским планшетом.

Вся толпа ахнула. Грозный майор СК на глазах всего поселка нес школьную сумку с детскими тетрадками сельской учительницы, бережно поддерживая ее за локоть на скользких ступенях.

На верхней площадке крыльца трусливо топтался директор Пахомов, делая вид, что говорит по телефону.

— Гражданин директор! — гаркнул Коршунов так, что Пахомов втянул голову в плечи. — Обеспечьте порядок и доступ следственной группы в архивные помещения. И не вздумайте препятствовать работе завуча.

Пахомов заискивающе закивал и лично распахнул тяжелые двери.

В вестибюле нас встретила учительница начальных классов Верочка. Она со слезами бросилась мне на шею:

— Леночка Васильевна! Мы всю ночь не спали, подписи в вашу защиту собирали! Никто не поверил этой мерзости!

Учителя физики и труда подошли ближе, с уважением пожимая руку Коршунову. Лишь завуч Тамара Романовна Шестакова, надеявшаяся выслужиться перед РОНО, злобно поджала губы и поспешила скрыться в учительской. Травля захлебнулась. Школа стала нашей крепостью.

* * *

После трех часов дня школа опустела. Уроки закончились, в учительской сгущались синие мартовские сумерки. На длинном столе под зеленым сукном лежали классные журналы, схемы эвакуации и пожелтевшие планы БТИ. За окнами качались заснеженные сосны, тихо тикали старые настенные часы ходики.

Вадим положил передо мной типовой бланк протокола допроса свидетеля:

— Свидетель Ясенева, предупреждаю вас об ответственности по статьям 307 и 308...

Я невольно сжалась от этих казенных слов. Коршунов посмотрел на мои побелевшие пальцы, поморщился и решительно захлопнул папку:

— К черту канцелярит, Лена. Забудьте статьи. Мы одни. Скажите как человек человеку: что в последние месяцы здесь казалось вам не на своем месте?

Я перевела дух, чувствуя, как отступает скованность:

— Кирилл Тарасов и его бойцы с осени заняли спортзал под видом секции рукопашного боя. Появлялись только по ночам, когда в здании оставался один сторож.

Вадим открыл журнал учета дежурств:

— Даты, часы? Но тут вырваны страницы за конец февраля!

— Страницы вырвать можно, — я раскрыла свой учительский органайзер, — а привычку завуча проверять показания счетчиков не сотрешь. Вот точные даты ночных заездов машин.

Коршунов набросал схему двора:

— Где они могли разгружать ящики? Напротив парадного — круглосуточный фельдшерский пункт, а во внутреннем дворе снег выше пояса.

— Разгрузочный люк угольной котельной в цоколе возле спортзала, — показала я на чертеже. — Туда легко подогнать машину с выключенными фарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.